

М. Н. СПЕРАНСКИЙ

Эволюция русской повести в XVII веке

I

Изучая, в связи со своими занятиями в Комиссии по древне-русской литературе Академии Наук СССР, историю оригинальной (непереводной) русской повести XVII века, как круг литературных явлений этого времени, недостаточно еще до сих пор освещенный исследователями, я остановился на ряде повестей, до сих пор почти не привлекавшихся к исследованию. Это дало возможность не только ввести в научный обиход несколько новых фактов, но также сделать несколько наблюдений более общего характера над эволюцией повести этого времени, наметить несколько черт этой эволюции повествовательного жанра в XVII в., не лишенных, думается, интереса для уяснения отдельных черт в истории русской повести и в следующем столетии, а в иных случаях даже и в XIX в., по крайней мере в его начале.

Чтобы несколько ближе подойти к этой эволюции, охарактеризовать ее фактами, извлекаемыми из самих повестей половины XVII в., я останавливаюсь на первый раз на двух, почти неизвестных до сих пор исследователям повестях на темы якобы из византийской истории, предпослав несколько замечаний общего характера, которые помогут определить место этих повестей в ряду других того же времени, к которому я нахожу возможным отнести заинтересовавшие меня повести.

В половине XVII в. во всей московской литературе наметился, как известно, настолько отчетливо сдвиг в сторону Запада, что историки русской литературы, например, Н. С. Тихонравов, В. М. Истрин, П. Н. Сакулин и др., находят возможным — и не без основания — говорить об этом времени, как о начале нового периода в истории русской литературы, тесно связывая литературу этого времени уже с литературой первой половины XVIII в., когда характер этого нового периода ее окончательно определился. При этом исследователи имеют в виду главным образом ту часть